

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОПЫТА: КАК ИХ ИСПОЛЬЗОВАТЬ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Александр Николаевич Кимберг, профессор кафедры социальной психологии Кубанского государственного университета, кандидат психологических наук, г. Краснодар, akimberg@gmail.com

• опыт • педагогическая поддержка • живое знание

Зачем нам знать об опыте?

В педагогике и психологии есть такая замечательная категория, как опыт. Это вроде бы знание, но особое: В.П. Зинченко называл его «живым знанием», А.С. Пушкин — «сыном ошибок трудных», а слесари в коммунальном хозяйстве до сих пор уверены, что опыт не пропьёшь. Именно опыт в трудных ситуациях разговаривает с нами как внутренний голос. Своему опыту мы верим, в чужом же хотим убедиться.

Опыт считается основой всего непонятного знания о действительности (В.В. Знаков). Опыт составляет основу интеллекта человека, М.А. Холодная обоснованно утверждает, что именно наличие опыта и его индивидуальное своеобразие определяют эффективность интеллектуальной деятельности.

Похоже, что опыт — это то, что остаётся, когда всё забыто. И в этом смысле полученный нами в детстве и юности опыт следовало бы рассматривать как основную результат нашего образования. Часть из него мы получаем в школе. К сожалению, небольшую, потому что школа в основном забывается о том, что можно благополучно забыть. Но вдруг вам захочется создать в ученике нечто, что будет полезным для него всю жизнь? Тогда читаем дальше.

Самое странное в опыте — он появляется как бы помимо нас. Его нельзя выучить, но можно получить. Причём самостоятельно, это не может сделать кто-нибудь за нас¹. Для того чтобы сориентироваться в феномене опыта, нам понадобится более широкий контекст. Это, прежде всего, разговор о бессознательном, сознании и практике,

поскольку опыт возникает где-то в общем для них пространстве.

Бессознательное и осознанное в обучении и воспитании

После Фрейда о бессознательном кое-что известно всем. Прежде всего несколько мифов. Во-первых, то, что бессознательное — это истинное содержание человека, сознание же может ошибаться. Во-вторых, это миф о том, что сознание (читай — слово) в воспитании и обучении может всё. В-третьих, то, что бессознательное нельзя изменить и оно диктует нам себя как постепенно проявляющуюся данность — предначертанность. Всё это так и в то же время не так, а следовательно, как общезначимое утверждение, неверно.

Бессознательному часто приписывают подлинность, настоящесть, в то время как сознательная часть нашей личности оказывается структурированной требованиями социальной деятельности, то есть точно не нашими желаниями. Отсюда ещё одна трогательная история, которая повествует о самоактуализации, внутреннем потенциале, «истинном Я» и его реализации, для которой педагогу надо только дать ребёнку свободу. Идея эта, как пишут американские психологи, идёт ещё от Аристотеля, полагавшего, что у каждого человека изначально есть свой «даймон», такая внутренняя сущность, в соответствии с которой и надо поступать, своего рода «истинное Я».

¹ Хотя попытки были: в одной из книг о событиях семнадцатого века за ошибки в учении молодого барчука в его присутствии пороли специально назначенного дублёра.

Увы, насчёт «истинного Я» сказано красиво, но неверно. Откуда бы ему взяться? Выводить его из врождённого опыта, переданного генетически, не получается. Не было в предшествующем опыте предков тех реалий, по отношению к которым проявляет себя сегодня бессознательное. Нечего, соответственно, и передавать через генетическую цепочку. Для наполнения «истинного Я» остаётся одно: самый ранний опыт межличностных взаимодействиях, где жёстко запечатлелись первые опыты отношений, чаще всего случайные. У Фрейда все ранние психические травмы — результат случайного опыта, то есть их могло бы и не быть. Но считать своей истинной сущностью запечатление случайного события или результат случайного стечения обстоятельств первых лет жизни как-то не вдохновляет.

Отсюда первый практический вывод для учителя: ребёнок, попадающий в его поле ответственности, не представляет собой ни «чистую доску», на которой можно писать, что угодно, ни готовую сущность, которая развернётся сама, дай ей только свободу. Продолжая метафору, это доска, на которой уже есть несколько записей — и хороших, и неудачных. При вашем взаимодействии с учеником одни записи будут делаться ярче и крупнее, другие — бледнеть и уменьшаться, также будут появляться новые записи, схватывающие те знания и тот опыт, которые извлекаются им в новых обстоятельствах жизни.

Все высшие психические процессы человека имеют неосознаваемый уровень протекания и осознаваемую часть, то есть сознание. И на том, и на другом уровне психика делает одно и то же дело: ориентирует человека в мире, обрабатывая множество информативных сигналов, собранных отовсюду, в основном создаёт в меру точные модели мира, иногда — неточные, а порой и просто ошибочные. Бессознательное не представляет собой какую-то часть психики, более истинную, чем сознательное, оно просто другое по способу функционирования и по возможности вмешаться в него контуру саморегуляции, известному как наше Я.

Является ли бессознательное более искренним, чем сознательное? Да, поскольку оно проявляет себя таким как оно есть, пока сознание не накинёт на него узду приличий

и целесообразности. Но по поводу *чего* или *о чём* оно искреннее, то есть о каком предмете? Только о том, что оно знает лучше другого: о желаниях человека и его страхах. В сознании и то, и другое может быть «зашумлено» повседневным суетливым опытом жизни.

Мы полагаем, что своё содержание бессознательное извлекает из потока жизни человека, создавая его личный опыт. Опыт же не есть простое проживание жизни, которое можно мерить временем или стажем. Опыт есть проживание события или впечатления с извлечением из него некоей инвариантной схемы, пафосно можно было бы сказать — личной истины или знания о мире. Это неререфлективное знание, то есть его происхождение и основания не открыты нашему сознанию для рассмотрения и анализа. Это переживание того, что в данной ситуации уместно или даже необходимо делать (или не делать) и как это нужно делать.

Знание и «несомненное» знание

Бессознательное складывает события с человеком и вокруг него в очень общие и очень глубокие схемы, создавая его опыт и его идентичность, то есть, в конечном счёте, его самого как личность. Эрик Эриксон, создатель теории идентичности, когда-то писал о главной функции Эго-идентичности — кристаллизации или «осаждении» индивидуального опыта человека. Он часто упоминает «синтезирующую функцию Эго», которая постоянно судит разрозненные части жизненных впечатлений и переживаний ко всё более ограниченному набору обобщённых образов и персонафицированных схем.

Из происходящего с нами и вокруг нас мы постоянно делаем выводы, извлекая некие схемы и принципы действий, причём мало осознаем и сам процесс вывода, и полученное в итоге знание. Нам и не обязательно его осознавать, потому что мы как само собой разумеющееся учитываем его в нашем поведении. Всем хорошо известна поговорка «обжегшись на молоке, на воду дует». Субъекту происшествия вовсе не обязательно думать о произошедшем, просто в его поведении по отношению к

горячим напиткам на некоторое время прибавится осторожности. Бессознательное об этом позаботится.

Поскольку схемы опыта складываются бессознательно, мы чаще всего не замечаем, откуда и как появляется у нас «опытное» знание. Нам также не приходится в голову усомниться в нём или проверить его. Оно имеет статус *несомненного знания* (А. Шюц). Понятно, что для возникновения этих схем и объяснения того, почему некоторые из них одинаковы у всех людей, нет нужды вводить представления о каких-то врождённых идеях (как архетипы у Юнга): если вам даны две двойки, то к существованию четвёрки ваше бессознательное (и бессознательное всех остальных граждан) придёт как-нибудь само, причём без всяких «врождённых» знаний о «четвёрках». Точно так же образы мужчины, женщины, матери и отца, а также неодобряемых Эго желаний — «тьень» у Юнга — складываются на глубинном уровне опыта у всех родившихся в обществе детей по ходу их взросления и повседневных встреч с другими людьми.

Несколько практических замечаний по поводу «несомненного» знания.

Первое: мы не сомневаемся в тех выводах, к которым пришли сами, поэтому иногда лучше давать исходные данные для ситуации, с тем чтобы способ решения сформулировал сам ученик. Особенно если речь идёт о социальных или межличностных отношениях, но годятся проблемы из любых сфер. Разумеется, ученик должен быть в состоянии это сделать, то есть проблема должна быть ему по силам (находиться в зоне ближайшего развития).

Второе: имеем в виду, что опыт формируется в первых встречах с реальностью, когда внимание к ней обострено, поэтому детство и юность как раз то время, когда мы приобретаем опыт. В дальнейшем мы пользуемся нашими схемами и способами действий как само собой разумеющимися и стараемся придерживаться их в большинстве случаев. Для следующих возрастов открытость новому опыту становится проблемой, за которой приходится следить так же, как и за осанкой.

Опыт как усвоение ценностей и целей

Но не стоит понимать дело так, что только бессознательное потихоньку складывает для нас некие схемы действительности, то же самое делает и сознание, а затем человек по мере необходимости решает свои задачи, используя структуры как осознанных, так и неосознанных знаний. Но этот спокойный мир знаний и решений соседствует с напряжённой областью неосознанно принятых человеком задач. Наиболее завораживающе для слушателя обычно звучат истории о людях, которые делают что-то затратное или опасное или разрушительное (или просто — глупое), потому что... они не знают сами, почему. Очевидно, что они решают какие-то задачи, в происхождении которых не отдают себе отчёта.

Из текущего потока жизни человек извлекает не только некоторые устойчивые и значимые для него схемы устройства мира и подходящие для них способы действий, но и некоторые цели и задачи для себя. Фрейд сформулировал два принципа для объяснения работы бессознательного: принцип удовольствия и принцип реальности. Принцип реальности побуждает учитывать мир как сопротивляющуюся субъекту реальность и, следовательно, исследовать и понимать его структуру. Принцип удовольствия влечёт нас к снижению напряжения потребности и разрядке от её удовлетворения.

Но откуда возникает само напряжение? Опустим ту часть ответа, которая даётся легко: напряжение возникает как эффект активной потребности, последняя же циклически воспроизводится в связи с конструкцией организма. Но как быть с потребностями, не вытекающими непосредственно из биологии организма? Что происходит с такими генераторами напряжения, как творчество, стремление к справедливости, жажда признания, долг, поиск славы, месть, реализация самости и т.п.? Эти стремления никак не «защиты» в биологические программы, значит, где-то есть механизм принятия человеком таких задач. Иногда момент принятия человеком задачи можно задокументировать. У биографов Мартина Лютера, например, описаны несколько таких поворотных пунктов в жизни их героя. Но можно полагать, что

часто сама задача извлекается человеком из потока событий и впечатлений мира и вызывает неосознанно длительное время, а вот сам момент её осознания и принятия («просветления») каждый раз выглядит одномоментным и уникальным. Ребёнок узнаёт, к чему он должен стремиться, слушая прямые указания родителей — «Будь таким!», разговоры родителей между собой о других людях, получая оценки своих поступков учителями и одноклассниками, наблюдая за wybranными им героями фильмов и компьютерных игр. В принятии жизненных целей и ценностей велика роль родителей, потому что они ближе всех к ребёнку в период становления его отношения к миру.

Эрик Берн даже использовал, обсуждая эту проблему, термин «родительское программирование». «Я должен стать (быть, достичь, получить, сделать)» — это формула приходит от тех, кто располагал нашей любовью и чьё ожидание могло стать для нас образом необходимого будущего. Это запечатление — вовсе не феномен исключительно чувствительных лет детства. Так, аспиранты, объясняя интервьюеру мотивацию, заставившую их всё же доделать и защитить диссертацию, говорили: «Мне было бы неудобно перед моим научным руководителем». В ряде случаев принятие задачи требует Другого, обладающего значимостью для субъекта и могущего насытить задачу своей мотивационной силой. Иногда задача вычитывается самим субъектом из ситуации как настоятельный запрос потока бытия. В таком случае человек сам ставит для себя цели, и в отличие от упрощённо понятой самореализации эти цели выходят за пределы его частного индивидуального существования. Заметим, что сегодня мир открыт ребёнку информационно гораздо больше и представления о ценностях и целях жизни могут быть получены им отовсюду.

Итак, жизненные ценности складываются как часть нашего опыта. Они могут и усваиваться, и регулировать наши поступки без участия нашего Я. Но если мы обратим на

них внимание, то можем сделать их предметом осмысления и обсуждения. Только происходит это не часто.

Отношения между двумя видами знания

Само собой разумеющееся или несомненное знание — это наше знание о мире, в котором мы убеждены. Нет, даже больше, чем убеждены, мы о нём не задумываемся (то есть не делаем его предметом рефлексии), а исходим из него в своих действиях. Это значит, что мы можем довольно адекватно действовать в мире, вообще не думая о том, что мы делаем. Это, кстати, и есть одна из идеальных целей воспитания: становление человека, гармонично соответствующего миру и его задачам. Такой человек хорошо ориентируется в мире, мир для него предсказуем, а сам он обладает средствами решения необходимых задач, то есть эффективен. Он может сделать всё, чего хочет, потому что хочет в основном того, что может. Чем это не модель счастливого человека и идеального мира? Почему не срабатывает эта модель до конца? Из-за двух проблем или, если угодно, двух сторон одной проблемы — неполноты нашего знания о мире и изменения самого мира.

Сознание (рефлексия) собственно и нужно человеку для того, чтобы думать о том, почему сегодня не срабатывает то, что годилось вчера, а также извлекать из мира такие отдаленные связи («завтра»), которые не доступны повседневному опыту. Но огромная часть нашего поведения и активности в мире основывается на «несомненном» (потому что неосознаваемом) знании. По поводу функционирования этого знания возникает ряд вопросов. Попробуем с ними разобраться.

Как взаимодействует «несомненное» (неосознаваемое) знание с обычным «нормальным» знанием, которое мы формулируем в словах и которому обучаем детей и друг друга? Возможны следующие варианты.

1. Одно знание может быть оторвано от другого, и тогда человек предъявляет нам два разных мира: а) его поведение и принимаемые им решения и б) излагаемые им «правильные» взгляды на мир. Это довольно низкий, но встречающийся уровень развития человека².

² «Низкий уровень» не означает здесь ничего иного кроме указания на разорванность психических процессов человека. Социально же такой человек может занимать любую позицию в обществе.

2. «Несомненное» знание может определять реальные поступки человека, а обычное знание создавать им разумное объяснение. Для самого человека это не особенно заметно, поскольку, совершив какой-то поступок и отвечая на вопросы (другим людям или себе) об основаниях этого поступка, он искренне верит в то, что его объяснения и были причинами его действий, только он их тогда так ясно не осознавал. Психологи придумали для этого явления термин «рационализация» — придание разумности уже совершённой по иным мотивам действию. Это довольно частое явление.

3. Осознанное знание может определять сделанный человеком выбор, но он расходится с его «бессознательным знанием». Переживается внутренний конфликт, исход которого неизвестен. Переживание того, что ты сделал что-то «не так», достаточно неприятно, и человек совершает ряд действий, чтобы утвердиться в принятом и, главное, осуществлённом решении. Вообще-то конфликт между этими двумя типами знания часто решается в пространстве жизненной практики: человек, сменивший веру, жену/мужа, политические убеждения и т.д., часто оказывается более враждебен своей предыдущей привязанности, чем те, кто изначально находился в другом лагере (надо деятельно подтвердить правильность выбора, чтобы приглушить свои сомнения и сожаления).

4. Человек осознаёт своё «несомненное знание» о мире, в результате чего оно а) перестаёт быть таким уж несомненным — субъект приобретает власть над ним и может обдумывать его ограниченность; б) человек может следовать ему вполне сознательно, полагая его чем-то вроде вкуса или привязанности (хорошо показывает эту логику реклама одной из новых моделей автомобиля: покупатель последовательно отклоняет предлагаемые ему продавцом «разумные» версии его потребности именно в этой модели, заключая обсуждение словами «Я его просто хочу»).

Заметим, что мы рассмотрели случаи, когда неосознаваемое и осознаваемое знание расходятся в своих посылах. В случае же, когда они согласованы и представляют одну модель мира и субъекта в нём, мы мо-

жем говорить об убеждениях и целостном внутреннем мире человека. В связи с неполнотой и изменчивостью и человека, и мира состояние согласованности может быть достигнуто в некоторой не абсолютной, но достаточной для душевного благополучия человека степени, но также время от времени нуждаться в процедурах восстановления.

Осознание и переживание в формировании опыта

Итак, формирование неосознаваемого знания — это извлечение из некоей ситуации жизни такого инвариантного принципа, который даст нам важную ориентировку в следующих сходных ситуациях. Принцип формулировался бы (если представить, что дело вообще может дойти до формулировки того, что достаточно просто чувствовать или неререфлексивно «знать») так: «делаешь так и будет хорошо», или «делаешь так и будет плохо», или «это можно делать», или «это может случиться с каждым». Далеко не всякая ситуация создаёт субъекту опыт, для этого она должна концентрировать на себе внимание и сопровождаться переживанием эмоции.

Схема типичной ситуации формирования опыта тогда такова: происходит нечто, выделяемое нашим вниманием (событие, возникновение и решение задачи и т.п.). Сцена получает какую-то развязку, эмоционально оцениваемую. Оценки даются как окружающими людьми, так и самим субъектом, исходя из контекста ситуации и его потребностей. В сворачиваемом затем до краткой формулы принципе хранится инвариант сцены/ситуации, прочитываемой прежде всего через потребность субъекта, затем способ действия по её разрешению и оценка результата (желателен он для субъекта или нет).

Ната Крылова указывает на главную характеристику опыта: таковым становятся только прожитые, пережитые, принятые и осмысленные (отрефлексированные) на личностном уровне практические ситуации действия. Опыт — это осуществлённая и проверенная («примеренная» — Н. Крылова) субъектом схема действия в ситуации, он теперь владеет ею.

Но чтобы эта схема заняла своё место в кровищнице личного опыта, нужны несколько условий, чтобы:

- 1) к решённой ситуации было привлечено внимание;
- 2) она была эмоционально насыщена для субъекта;
- 3) ей был придан и закреплён смысл;
- 4) субъект опыта поощрялся периодически использовать эту схему для соответствующих ситуаций.

Это, вообще-то, работа, которую надо выполнить, чтобы прошедшее событие стало для вас опытом. И эту работу надо уметь сделать в культурных, то есть уместных и эффективных, формах. Похоже, что этому надо тоже учиться. Стало быть, опыт схватывается в момент, когда

- а) наше внимание извлекает из потока впечатлений некую инвариантную схему, связь действующих лиц и обстоятельств;
- б) значимость этой схемы демонстрируется результатами её применения;
- в) эти результаты наблюдаются нами на фоне интенсивного эмоционально-оценочного переживания.

Если процесс работы с опытом выходит на осознаваемый уровень активности личности, то добавляются ещё несколько шагов:

- г) происходит концептуализация опыта: схема происходящего проговаривается, просматриваются и называются значимые факторы и промышляется возможность их контролировать;
- д) осуществляется управление эмоциональным переживанием опыта: если переживание негативное, то после концептуализации опыта оно уже не нужно и снимается, если переживание позитивное, но слабое — оно усиливается его принятием и культивированием. Умение создать себе праздник — как раз из этой серии.

Мы пока говорили о модели, в которой человек сам совершает поступки или прохо-

дит через различные ситуации, вынося из них личностное знание или опыт, весьма часто остающийся на уровне бессознательного. Но в условиях нашей жизни это только один источник опыта и, возможно, по объёму не самый большой, хотя по качеству — несомненно, наиболее сильный.

Гораздо больше мы выносим из историй, происходящих с другими людьми, тем более что сегодня существует целая индустрия, поставляющая нам такие истории прямо на дом. Каждая наблюдаемая нами на экране (в книге, газете и т.п.) история показывает нам, её зрителям, некую схему, которую мы, не особо задумываясь, из неё автоматически извлекаем и забрасываем в хранилище впечатлений. Там они потихонечку уплотняются, частные детали исчезают и в итоге оседает некое само собой разумеющееся знание, например, о том, надо ли соблюдать процедуры закона, если они в конкретном случае мешают быстро наказать «плохого парня» — конечно, нет! Можно ли быть начальником, не имея никаких способностей или знаний для управления процессом, а есть только умения ораторить и давить на тех, кто содержательно работает? Конечно, да! Можно ли зарабатывать «левые» деньги на своих служебных обязанностях, оставаясь при этом «хорошим парнем»? Можно, отчего же нет? Смотрите «полицейские» сериалы НТВ, и эта повседневность станет вашим глубоко укоренённым знанием. Чем талантливее и художественнее преподносится такая история, тем лучше ложится она в бессознательное как опыт. Вымысел, конечно, не особо важный его источник, но ТВ-продукция сильно своим повторением. Помните: «Сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок».

Демонстрация чего-либо в качестве примера в терминологии западных социологов часто именуется посланием (message). В принципе любое событие, на котором сосредотачивает внимание человек, может быть прочитано им как сообщение или послание. Так же любое публичное действие может пониматься его субъектом как сообщение (или должно было бы пониматься им так). Получаемые сообщения могут прочитываться осознанно и затем обдумываться, в том числе критически (осознанно). Но если они прочитываются неосознанно, то есть на уровне бессознатель-

ной регуляции, то получают статус неосознаваемого знания и функционируют далее в таком качестве.

Мотивация для читателя

Задайтесь на минутку вопросом: если бы вы хотели, чтобы у вашего ребёнка или вашего ученика было некое качество или черта характера, то в какой момент и в каком взаимодействии с миром она могла бы быть с необходимостью затребована из глубин психического и создана для решения какой-то задачи? «Существование предшествует сущности», — сказал кто-то из экзистенциалистов (похоже, это был Сартр). Задача всегда предшествует способности её решать и нет иного способа освоить схему (метод, умение ... в конце концов, способность её решать), кроме как решить задачу по этой схеме (возможно — уточнив однажды), а затем продолжать решать, совершенствуя способы и уточняя обстоятельства.

Мы хотим от выпускника педагогического вуза, чтобы он понимал детей, правильно, точно и захватывающе рассказывал о своём предмете и строил обучение на умело организованной деятельности учеников. Но в какой момент своего обучения сам студент *делает* всё это? Не слышит про это, не читает про это, даже не рассказывает добросовестно *про это*, а делает это сам и потом осмысливает свой опыт, поправляя себя с помощью более опытных в этом деле людей?

Да что там обучение будущих учителей! Давайте обратимся к родителям. Вам хотелось бы, чтобы ваши дети были внимательны к вам, ценили вашу помощь, а когда вырастут, заботились о вас? Так вот, ничего этого вы не получите, потому что сейчас не даёте вашим детям приобрести этот ничем не заменимый опыт. Парадоксально, хорошие родители хотят быть сильными, здоровыми и защищающими ребёнка, они интересуются его жизнью и его трудностями и решают все его проблемы. Ребёнок вырастает, родители стареют и хотят уже других отношений со своими взрослыми детьми — чтобы дети интересовались их жизнью, заботились о них и помогали решать их проблемы. А откуда эти отношения должны появиться, если опыта таких отно-

шений с родителями у счастливых детей в жизни вообще не было?!

И не надо говорить, что дети выросли черствыми, неэмоциональными и бездушными. Что посеешь, то и пожнёшь. Отчего же вы не замечаете моменты, когда сеете то, чему не обрадуетесь, и не закладываете ростки тех отношении, которые хотели бы с удовольствием наблюдать в будущем?

Психологи с интересом изучают такое качество человека, как жизнестойкость. Его проявления человечество знало всегда, но предметом исследования (и психологическим понятием) его сделали не так давно работы Сальватора Мадди, Аарона Антоновского, а наших читателей с ним познакомил Дмитрий Леонтьев. Жизнестойкость различает людей по тому, как они переносят жизненные трудности, справляются со стрессами, а в итоге — часто ли болеют и долго ли живут. Где-то треть людей имеет более высокий уровень этого интегрального качества. Понятно, что это качество нашим детям было бы желательно иметь, потому что без него остаётся готовность к поражению, склонность к уходу в болезнь и, в более общей формулировке, готовность исчезнуть при столкновении с трудностями. Но как формируется столь нужная нам жизнестойкость? Многочисленные исследования подтверждают пока одно общее у людей, обладающих ею: пережитый в детстве опыт трудных ситуаций, требующих преодоления, плюс постоянная поддержка и ободрение родителей.

Обобщение сказанного

Итак, что есть опыт? Это знание, приобретаемое особым статусом для личности, такой статус, который отличает его от всего объёма разнообразнейших отрывочных сведений, хранящихся в отсеках нашей памяти. В чём же отличие? В переживании этого знания как настоящего, проверенного лично, несомненного ... и так далее. Это переживание возникает при особом сочетании когнитивной схемы (образа или мысли) и эмоционального состояния, особенно в момент его перехода из одного полюса в другой: страх сменяется надеждой, страдание — радостью и т.п. История сохранила много свидетельств об обращениях — событиях

в духовной жизни людей, когда они открывали для себя высшую истину, то есть наиболее личностное знание. Лютер, который впоследствии реформировал западное христианство, пережил своё призвание в жуткую грозу, застигшую его на открытом месте на дороге между двумя соседними городками, когда страх гибели чередовался у него с надеждой на спасение.

Не столь выразительный, но более частый пример: известно, что люди больше верят в те выводы и умозаключения, к которым они пришли сами, особенно после преодоления трудностей решения проблемной задачи, чем в те, что они получили в готовом виде. Здесь та же схема: когнитивная задача, напряжение в попытке её решить, нахождение некоторой объяснительной схемы или решения, удовольствие от найденного решения — причём не только от эмоциональной разрядки, что всегда имеет место (чем больше маятник ушёл в одну сторону, тем больше его качнёт в другую), но и от совершённого достижения.

Понимая эту схему, мы, с одной стороны, не впадаем в отчаяние от переживаемого напряжения и негативных чувств в проблемной ситуации (их нарастание — часто предвестник близкого решения), а с другой — понимаем, что можем и должны вознаградить себя положительными чувствами за решение трудной задачи (принять поздравления, признать без какой-либо скромности свои заслуги, а если никто не видел нашего успеха, то, как делал Пушкин, сидя в Болдине в холерном карантине, попрыгать по комнате, крича: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»).

Таким образом, значительная часть нашего знания о жизни — нормы, инструкции, схемы ситуаций и поведения в них и всякое другое — существует как бессознательный опыт, само собой разумеющееся знание, тот практический фон или фоновая практика, на которых разворачивается наша текущая активность. Всё это слишком значимо, чтобы не заниматься его формированием.

Опыт — это выращенная человеком функциональная психологическая система, обеспечивающая его более-менее успешными схемами и способами действия в определённых ситуациях, а кроме того, рас-

познающая подходящие для её актуализации ситуации.

Эта функциональная психологическая система действует достаточно самостоятельно, то есть не требует постоянного участия и контроля нашего Я. Знание связей и отношений предметов и процессов мира «зашиито» в неё на уровне «несомненного знания». Можно сказать, что это лучший способ усвоения знания для большинства продуктивных деятельности нашего мира.

Нет непреодолимой грани между осознаваемым и неосознаваемым знанием. Осознание и проговаривание (особенно доброжелательное коллективное) опыта делает его более мощным средством управления своей жизнью. Правда, нормы, нравственные правила и прочие полезные знания не много значат, пока они не будут воспроизведены человеком как практики его реальной деятельности и реальных отношений с людьми.

Опыт извлекается из потока жизни людьми в разной степени. Надо обладать хорошей «разрешающей способностью», чтобы извлекать из происходящего не очень явные связи и их последствия. Однако извлечению опыта можно и нужно учиться. Такое всем желательное качество, как ответственность, формируется, с одной стороны, как способность усматривать последствия своих действий и давать им оценку применительно к будущему, а с другой — как практика субъектного участия в реальных процессах заботы о ком-то или о чём-то, выполнения обязательств, завершения своих планов и т.д.

Что из потока нашей жизни становится опытом? Те задачи, отношения или впечатления, которые привлекли наше внимание и из которых извлеклась некоторая связь, получившая смысл. Опыт создаётся тремя действиями: внимание и эмоциональное переживание выделяют нечто существенное в произошедшем, обдумывание и понимание придают ему смысл, называние и обсуждение размещают новый опыт в индивидуальном ментальном пространстве человека и коллективном ментальном пространстве группы и позволяют обращаться к нему в дальнейшем.

В чем состоит педагогическая поддержка в формировании опыта?

Первым действием в ней становится публичное признание опыта ценностью личности и ценностью общества. Это меняет отношение человека к собственному опыту и делает его формирование позитивной деятельностью. Даже ошибку можно трактовать как полезный шаг в освоении мира, если мы извлекли из неё опыт. При поддержке стремления к получению опыта ваши ученики не будут бояться экспериментировать и искать новое.

Второе — это целенаправленное управление вниманием: различение и выделение тех моментов реальности, в которых можно усмотреть значимое для обучающихся содержание. Для этого необходимо сфокусировать внимание участников на ситуации или процессе. Пример: для того, чтобы происходящее стало психологическим тренингом, иногда достаточно показать табличку «С этого момента всё происходящее имеет смысл». Здесь хорошо работают вопросы о происходящем или задания описать происходящее.

Третье — установление связей наблюдаемых явлений с более широким контекстом. Обычно оно достигается обсуждением и комментированием происходящего в группе. Опыт должен быть разделён (рассказан или проигран) и подтверждён группой, тогда он приобретает сформулированность и значимость для того, кто его получил. Он

также становится достоянием группы. То, что проговорено для других, становится особенно убедительно для себя.

Вместе с тем нет границ формам и способам работы с опытом и нет ничего более увлекательного, чем эта работа. Завершу этот текст сложившийся в формате свободных размышлений небольшой дневниковой записью:

«На закате мы уже сидим в сухом щелястом балагане где-то под отрогами Пшехи. Мы — это Саша, Боря и Артём. Я за старшего и поэтому, глядя на выделенную на трудовой ужин половину фляжки — ничтожно мало для таких орлов — говорю: «Сегодня было разное. Завершая день, положено обобщать опыт. Давайте, каждый скажет, какие впечатления он сегодня пережил, какие мысли вынес, что ему добавил этот день. Утверждаем отчёт каждого глотком ... чая, маааленьким... чтобы хватило на всех». Спасибо скудности ужина, Виктору Пелевину с его повестью про двух бройлеров и ритуал перехода из одного мира в другой, гудящей в ногах усталости — в охотничьей избушке вдруг оформились из воздуха полтора часа чудной непринуждённой работы личностного роста в жанре тостов. Так сложилось наша личная традиция обобщения опыта, наверняка имеющая многих сестёр, появившихся на свет в другое время и в других ситуациях. Но для нас она имеет особый вкус — это наш опыт ... работы с опытом». □